

Глава 15: Мужчине не грех плакать.

Этот приём пищи стал для Е Цин настоящим испытанием. Время для еды подходило к концу, а она так и не смогла как следует поесть — её живот по-прежнему требовал пищи.

Но как только установленное время истекло, в комнату зашли слуги, молниеносно убирая посуду. Е Цин даже не успела доесть, как тарелку просто выхватили у неё из рук.

– Время вышло! За работу! – бросила мама Лю, взмахнув своей тонкой плетёной тростью, и, не оборачиваясь, направилась к выходу.

Е Цин поднялась, провожая её взглядом, полным злости и обиды. Сжав зубы, она затаила обиду, мысленно поклявшись, что рано или поздно эта старая ведьма попадётся ей в руки. Вот тогда-то она и покажет ей! Да так, чтобы синяки да ссадины остались — иначе и не называться ей мужиком!

Юй-эр и Де-эр заметили её состояние, тут же подбежали, чтобы успокоить, и дружно повели её к выходу.

Но стоило им выйти за дверь, как мама Лю снова оказалась прямо у входа. Увидев Е Цин, она мгновенно взмахнула плетью, и гибкая лоза со свистом ударила её по попе.

– Ай! – От неожиданности Е Цин чуть не подпрыгнула на месте. Повернувшись к маме Лю, она с возмущением воскликнула: – Разве я не закончила есть?!

– Поела? Да, поела! Но ты как ходишь-то?! – Мама Лю прищурилась, высоко подняв подбородок, а конец плети указывал прямо на Е Цин. – Посмотри на себя! Ни капли женственности! Шагаешь как мужик: ноги разлетаются, юбка взмывает вверх! Стыда у тебя нет совсем?!

Она указала плетью на остальных танцовщиц, которые уже двигались в сторону сцены в зале:

– Гляди, как они идут! Вот когда научишься так же — только тогда будешь считаться настоящей девушкой!

– Я...!

Е Цин уже готова была взорваться. Она открыла рот, но не успела сказать и слова, как Юй-эр мгновенно прикрыла ей рот мягкой ладонью, а Де-эр, не теряя времени, потянула её за собой.

– Младшая сестрёнка Цин, ну тише, тише! – прошептала Юй-эр, не давая ей разразиться тирадой.

– Да, да! Пойдём быстрее! Все уже ушли! – добавила Де-эр. – Ты же не хочешь, чтобы из-за тебя нас всех оштрафовали за опоздание?

Эти слова возымели действие: Е Цин перестала сопротивляться и подчинилась, хотя недовольство всё ещё читалось в её глазах.

Зарабатывать деньги было нелегко. Танцовщицы хорошо относились к Е Цин, особенно Юй-эр и Де-эр. Она не хотела, чтобы из-за неё их оштрафовали или наказали, поэтому, сжав зубы, мрачно зыркнула на маму Лю и нехотя позволила себя увести.

– Хм! – Мама Лю холодно фыркнула, развернулась и ушла обедать.

Время быстро пролетело, и вот уже наступил вечер. Во время ужина, как и днём, мама Лю следила за Е Цин неотрывно. Малейшее отклонение от норм поведения — и плеть тут же со свистом опускалась на её ноги.

В итоге, на ужине она снова не смогла поесть досыта. С учётом того, что обед тоже был скудным, её желудок по-прежнему требовал еды.

Но беды на этом не закончились. После ужина, когда танцовщицы выходили на свои места, мама Лю опять нашла повод её наказать — теперь за «неправильную» походку. Несколько новых ударов плетью вконец вывели Е Цин из себя. Она чувствовала, что вот-вот взорвётся от гнева, но при этом прекрасно понимала: мама Лю всё делала «по правилам». Если бы она попыталась пожаловаться управляющему Чжану, он бы точно не встал на её сторону.

Так, незаметно, на улице уже стемнело, наступил час «сю» (примерно с семи до восьми вечера).

В древние времена ужинали рано, и к этому времени все основные гости уже разошлись, так что для танцовщиц начиналось долгожданное время отдыха.

После целого дня танцев девушки были измотаны. Теперь у них было время, чтобы отдохнуть и поспать до самого утра.

Хотя «Красный нефрит» работал и ночью, поскольку кроме ресторана здесь также предоставляли комнаты для ночлега, это не касалось танцовщиц. Разве что в редких случаях, когда какой-то особенно важный гость готов был заплатить за частное выступление, их могли вызвать дополнительно.

Но такие ситуации случались крайне редко. Почти за целый год едва ли набиралось несколько

таких вечеров.

В конце концов, танцы в «Красном нефрите» были лишь способом привлечь гостей. Основной же доход шёл от кухни и постояльцев. Те, кто действительно хотел «развлечься», скорее отправились бы в цветочные дома или в бордели в городе.

Когда танцовщицы покинули сцену, уходя на короткий отдых, Е Цин тоже отошла к краю площадки. За весь день она страшно устала. Если бы это случилось несколько дней назад, она, не задумываясь, потянулась бы во весь рост, расслабляя затёкшие мышцы. Но теперь это было невозможно.

Позади неё, словно призрак, стояла мама Лю, зорко следя за каждым её движением. Стоило лишь походке или осанке чуть отклониться от требуемых стандартов, как тут же со свистом опускался хлёсткий удар плети.

Как и с манерами за столом, исправить осанку и походку за один день было нереально. Поэтому всего за несколько шагов по залу Е Цин снова получила пару ударов. Только когда она вошла в комнаты, где отдыхали танцовщицы, мама Лю холодно фыркнула и удалилась.

После такого дня Е Цин была на грани срыва. В душе бурлили злость, обида, усталость, но выхода этим чувствам не было. Войдя в комнату, она вдруг почувствовала, как ком подступает к горлу, а затем — будто прорвало плотину. Стоя посреди комнаты, она зарыдала во весь голос.

Танцовщицы, уже давно находившиеся в покоях, даже не успели снять грим и переодеться. Услышав её плач, они мгновенно развернулись и бросились к ней, окружая её со всех сторон и утешая, затем мягко повели её вглубь комнаты.

Тем временем по коридору проходил управляющий Чжан. Услышав рыдания, он на мгновение замер, затем покачал головой и спокойно продолжил путь, вскоре исчезая за поворотом.

Этот плач был оглушительным, словно выплёскивал всю боль и несправедливость не только этой, но и прошлой жизни. Танцовщицы утешали её, говорили ласковые слова, но слёзы текли без остановки.

На самом деле, Е Цин и сама не хотела плакать. Чёрт возьми, да он же мужчина! Разве можно разрыдаться из-за пары ударов плетью? Но эмоции не слушались. Чем сильнее она приказывала себе остановиться, тем сильнее рыдания сотрясали её тело.

Семь танцовщиц сидели вокруг, продолжая уговаривать её, но, поняв, что это бесполезно, наконец, смирились. Они просто молча сидели рядом и смотрели, как она плачет.

Сидевшие по обе стороны от неё Юй-эр и Де-эр молчали. Они лишь аккуратно промокали её бесконечно льющиеся слёзы платками.

Слёз было так много, что вскоре оба платка промокли насквозь. Пришлось взять новые и продолжить вытирать её лицо.

– Цин-эр, сестрёнка, ну нельзя же так плакать! – наконец не выдержала Юй-эр. — Ты ведь днём сама говорила, что собираешься придумать этот... этот нагрудный убор! Если завтра он не будет готов, тебя снова накажут!

Юй-эр надеялась, что это отвлечёт Е Цин: раз у неё будет дело, а ещё и страх перед наказанием, то, может, она перестанет так убиваться. Но всё вышло наоборот. Едва она напомнила про этот убор, Е Цин почувствовала новую волну отчаяния и зарыдала ещё громче.

Только теперь Юй-эр поняла, что сморозила глупость. Очевидно, сестрёнка Цин терпеть не могла этот убор! Она в панике взглянула на Де-эр, моля её о помощи.

Де-эр была второй по старшинству среди танцовщиц, сразу после Юй-эр. Она быстро сообразила, что делать, и, обернувшись к одной из девушек, что сидела рядом, тихонько зашептала ей что-то на ухо. Та несколько раз кивнула и тут же вскочила, спеша выйти из комнаты.

Де-эр снова повернулась к Юй-эр и, заметив её недоумённый взгляд, едва заметно покачала головой:

– Подожди. Как только Янь-эр вернётся, сестрёнка Цин перестанет плакать.

Юй-эр ничего не оставалось, кроме как ждать.

Долго ждать не пришлось. Вскоре Янь-эр вернулась, плотно прикрыв за собой дверь.

– Я тут! Я тут! – весело объявила она, быстрым шагом направляясь вглубь комнаты. В руках у неё был свёрток из грубой бумаги, и от него ощутимо веяло аппетитным мясным запахом.

Очевидно, Де-эр послала её на кухню за едой.

Лишь теперь Юй-эр поняла, какой у неё был план, и вдруг вспомнила: за весь день Е Цин так и не наелась ни за обедом, ни за ужином. Сейчас она, конечно же, голодна!

Янь-эр принесла еду — теперь внимание Е Цин наверняка переключится, и она перестанет плакать.

Так и вышло. Почувствовав аппетитный запах, Е Цин больше не могла рыдать — она уставилась на свёрток в руках Янь-эр, её лицо мгновенно преобразилось, в глазах загорелся жадный огонёк.

– Свежие, только из печи, мясные баоцзы! – весело объявила Янь-эр, слегка встряхнув свёрток.
– А ещё тушёное мясо в соусе! Хочешь?

– Хочу! – Е Цин и так уже была страшно голодна. Она продолжала всхлипывать, но при этом неистово кивала.

– Тогда плакать больше нельзя! – сказала Янь-эр.

– Не... не буду! – наплакавшись вдоволь, она уже почти успокоилась. Её голос ещё дрожал, но она тут же согласилась.

– Тогда держи! – Янь-эр протянула ей свёрток. – Только ешь осторожнее, очень горячее!

Е Цин торопливо кивнула, но, не дожидаясь, пока еда хоть немного остынет, разорвала упаковку. Внутри лежали три огромных мясных баоцзы, источавших такой аромат, что рот наполнился слюной.

Она не удержалась и вцепилась зубами в один из них... и тут же пожалела.

– А-а-а! Горячо! – она высунула язык и начала отчаянно дышать, пытаясь хоть как-то охладить обожжённый рот.

– Ну, ты даёшь! – Янь-эр покачала головой, едва сдерживая смех. – Я же предупреждала!

– Сестрёнка Цин, не спеши! Они очень горячие! – Юй-эр вытерла уголки её губ платочком и вздохнула. – Да и вообще, тебе стоит научиться есть правильно. Если привыкнешь, то у мамы Лю не останется поводов тебя наказывать.

Она тихо вздохнула про себя.

Когда они только встретились, Юй-эр казалось, что Е Цин — воспитанная, утончённая барышня из знатного рода. Но с каждым днём этот образ рушился. Да, манеры у неё были, но больше в словах, чем в поступках. Она даже слугам и служанкам не забывала сказать "спасибо", чего от неё никто не требовал.

Однако что касается манер и поведения, здесь сестрёнка Цин совершенно не соблюдала никаких приличий. Она вела себя так же свободно и бесцеремонно, как простая крестьянка. Непринуждённые движения, расхлябанная походка, отсутствие изящества в манере есть — всё это производило удручающее впечатление. Какая же семья могла воспитать столь противоречивую дочь?

Услышав слова Юй-эр, Е Цин в душе тяжело вздохнула.

Ну что ж.... Под крышей чужого дома приходится склонять голову. Если упрямо держаться за свои привычки, можно лишь обречь себя на новые страдания. Нужно немного подстроиться, тогда жить станет легче.

С этим решением в голове она больше не спешила. Спокойно взяла баоцзы и принялась откусывать маленькими кусочками.

Рядом Юй-эр и Де-эр время от времени указывали на её ошибки. Они совсем не походили на маму Лю, которая при малейшей оплошности тут же пускала в ход розги, даже не объясняя, в чём именно ошибка. Приходилось разбираться самой, но как можно исправиться, если не знаешь, что сделала не так? Разве это не значит, что её будут бить снова и снова?

Чем больше Е Цин думала об этом, тем сильнее закипала злость. Очевидно, что мама Лю просто искала повод для мести!

От злости её руки невольно ускорились, и она принялась жевать баоцзы куда быстрее.

– Стой, стой! – воскликнула Юй-эр. – Помедленнее! Ешь хоть немного изящнее!

Е Цин услышала и постаралась отбросить посторонние мысли, сосредоточившись на еде.

Она с трудом доела один баоцзы и только потянулась за вторым, как её тут же остановила Юй-эр:

– Сестрёнка Цин, ты помнишь, что говорила днём?

Конечно, помнит! Разве не про этот бюстгальтер?

Е Цин обречённо вздохнула и кивнула.

– Уже поздно. Лучше подумай, как будешь делать эту штуку, а потом отдай швеям, пусть сшивают. Тогда сможешь доесть свои баоцзы.

Едва Е Цин начала учиться есть с грацией, как скорость её еды замедлилась до предела. Юй-эр, наблюдая за этим, прикинула: если так пойдёт дальше, она только к глубокой ночи управится с тремя баоцзы. Какое уж тут шитьё?

– Это совсем несложно, я уже всё придумала! – заявила она уверенно. Бюстгальтеры-то она видела не раз, тут и думать нечего. Скользнув взглядом по окружающим её танцовщицам, Е Цин продолжила:

– Сёстры, вы ещё даже не переоделись, не смыли косметику и не приняли ванну. Давайте сначала этим займёмся, а потом я покажу вам, как сшить бюстгальтер!

– Бюстгальтер? – переспросила Де-эр, заинтересовавшись необычным словом. – Это ты сама так придумала его назвать, сестрёнка Цин? Очень уж точное название!

– Нет, не я... Я просто видела их раньше, – с горечью усмехнулась Е Цин, не желая углубляться в объяснения. – Ладно, сестры, не теряйте времени!

– Хорошо! Тогда все идём смывать макияж и принимать ванну! – подытожила Юй-эр.

Слово было сказано, и танцовщицы тут же поднялись со своих мест, направляясь к своим спальным местам. Там они осторожно вынимали шпильки из волос, распускали сложные причёски, снимали воздушные танцевальные наряды, передевались в домашнюю одежду и подбирали чистые вещи для купания.

– Сестрёнка Цин, тебе тоже пора снять макияж и принять ванну, – сказали Юй-эр и Де-эр, прежде чем уйти.

Е Цин задумалась, но быстро пришла к выводу, что они правы. Она положила недоеденный баоцзы на кровать, кивнула:

– Хорошо.

А тем временем в комнате творилось нечто поистине волшебное. Одна за другой девушки сбрасывали танцевальные одежды, и вдруг в тесном пространстве заискрилась весенняя красота во всём своём великолепии. Е Цин застыла на месте, зачарованно наблюдая за этим зрелищем, не в силах оторвать глаз.

Восторг переполнял её — будто она очутилась в раю.

«Вот бы у меня было шесть пар глаз, иначе всего не разглядишь», – мелькнула у неё в голове мысль.

Она так увлеклась, что совершенно забыла, зачем вообще стояла здесь, даже не вспомнила о том, что самой тоже нужно переодеться.

Кровати Юй-эр и Де-эр находились по обе стороны от постели Е Цин. Такое расположение было выбрано специально — чтобы лучше заботиться о новенькой и помочь ей быстрее освоиться.

Юй-эр как раз сняла танцевальный наряд и вынимала шпильки из волос, когда случайно

повернула голову. И тут же столкнулась с пристальным, странным взглядом Е Цин. Этот взгляд был... непривычным. Она видела нечто подобное только в глазах мужчин.

Рефлекторно Юй-эр схватила лежавший на кровати наряд и прижала его к груди, прикрывая обнажённое тело. Однако, совершив это движение, она осознала, что, возможно, отреагировала слишком остро. Как ни странно, ни был бы этот взгляд, но сестрёнка Цин ведь тоже девушка. Почему же она вообще почувствовала смущение?

Но, несмотря на эти мысли, румянец сам собой проступил на её светлой коже. Щёки тут же залились жарким румянцем, и она полусхотливо упрекнула:

– Сестрёнка Цин, где ты только научилась так смотреть? Меня прямо в краску вгоняешь!

– А? Ой! Разве этому нужно учиться? – растерялась Е Цин, наконец-то возвращаясь к реальности.

– Не нужно? – Юй-эр удивлённо моргнула. Не нужно... выходит, это врождённое? Но почему девушка может смотреть на другую девушку таким мужским взглядом?

– А? Ха-ха-ха! Да нет, ничего, забудь! – осознав, что сморозила что-то не то, Е Цин поспешила замять тему, неловко засмеявшись.

К счастью, Юй-эр не стала придавать этому большого значения. Она убрала платье с груди, аккуратно положила его обратно на кровать и сказала:

– Сестрёнка Цин, тебе бы лучше тоже переодеться. Видишь, все остальные уже ушли.

<http://bllate.org/book/16041/1431356>